

ПЕРЕПУТЬЕ ЗАМЫСЛОВ

Картина Константина Лопушанского заявлена в программе

«Кинотавра» *Независимая газ. — 2004, — 12 мая, — с. 7*

Екатерина Сальникова

В ПРЕДДВЕРИИ грядущего «Кинотавра» в бывшем Госкино прошел показ нового фильма Константина Лопушанского «Конец века». Данному режиссеру вообще свойствен эсхатологизм, и само название картины уже очень многое говорит о содержании. Мотив апокалипсиса решается здесь на сравнительно современном материале. Беря за основную точку отсчета октябрьские события 1993 года, режиссер концентрирует наше внимание на проблемах разрушенного российского универсума, когда у многих людей возникает гибельное ощущение полного разлада с окружающей действительностью. Происходит потеря родного дома — в глобальном смысле. А на осознание нового дома — тоже в глобальном смысле — сил уже нет.

Все еще молодая женщина Ольга (Светлана Свирко) уехала в Германию и работает там на телевидении. А ее мать Мария Николаевна (Ирина Соколова) упорно не хочет присоединиться к дочери, остается одна в России, влечит убогое существование, пребывает в длительной депрессии. Не может смириться с гибелью любимого человека, убитого во время волнений осени 1993 года. Ольга привозит мать в Германию, чтобы оттуда поехать с ней в уникальную польскую психиатрическую клинику, где Марию Николаевну могут излечить от нестерпимой внутренней дисгармонии. Но исцеления не происходит. И, окончательно разругавшись с дочерью, вернувшись домой, одинокая женщина наконец со-

вершает самоубийство, к которому ее уже давно тянуло.

В Германии — эффектные интерьеры частных коттеджей и телестудий, оборудованные по последнему слову техники и дизайна. В Польше — шум бушующего моря, стихия ветра, зеленые рощи, внимательные медсестры и загадочные профессора медицины. В России — грязь и разруха на улицах, хамоватые прохожие, равнодушные мелкие чиновники и нищающие пенсионеры. Но тянет именно в Россию. Жить в эмиграции в Западной Европе — это вполне возможно, но там не хочется даже умирать. Жить в России — единственное, чего настоящему жадет душа, но это невозможно. Зато есть решимость там хотя бы умереть. Такая получается концепция.

Лопушанский возвращается к извечной теме российского искусства — духовным исканиям. Заменяет поиски смысла жизни переживанием отсутствия этого смысла. А вот создать эстетическую материю, адекватную заявленной теме, оказывается делом сложным. Если бы история отчуждения людей и мира была рассказана с подробным погружением в душевное состояние героев... Если бы психиатрические процедуры, показанные в «Конец века», не были столь примитивны. А то якобы разбирающийся в психологии доктор раздраженно орет рыдающей пациентке: «Ну скажите, зачем вам помнить все эти кошмары? Ведь это ужасные воспоминания! Зачем они вам?» После такого лечения вряд ли на душе станет легче... Если бы огромные куски хроники 60-х годов, перетекающие в игровые эпизоды воспоминаний, объясняли психологию героев, а не рисовали впол-

не традиционную атмосферу юношеской эйфории шестидесятников... Если бы идеологическое противостояние демократки-дочери и защищающей ее «старый мир» матери не было столь банальным и при этом невнятным... В общем, могла бы выйти хорошая картина.

Но «астеническая» атмосфера не подкрепляется сюжетом, который повествует совсем о другом. Выясняется, что у Ольги, которая тоже когда-то лечилась в клинике, был роман с прославленным светилом психиатрии, Станковским. (Его играет Роман Виктюк, и эта единственная органичная актерская работа оттягивает на себя все внимание.) Потом доктор забыл об Ольге. А теперь его выставляют из клиники, так как он перестал пользоваться успехом у пациентов. Почему — остается совершенно неясно. Ольга же привозит свою мать не к нему, а к другому, молодому и преуспевающему психиатру. Тем самым она мстит бывшему кумиру и возлюбленному. А мать — повод и деталь мести.

Это уже драма жестокосердия и комплексов отринутой женщины, почти стриндберговская война полов. Весьма увлекательная энциклопедия женских обид и мужских амбиций на все времена, вне зависимости от политики и экономики России или Германии. Жаль, что это кино существует в «Конец века» будто само по себе. Поведение героини, как и сущность личности Станковского, не получает со стороны режиссуры никакой эстетической или этической интерпретации. В сценарии Лопушанский оказывается гораздо более емким и динамичным сочинителем, чем в режиссуре. Ис-

пользовать самые драматичные линии собственного сюжета Лопушанскому не удается. Как режиссер он продолжает мыслить совсем не сюжетно, в стиле и ритме медленного, трудного для восприятия внежанрового кино, снятого вообще отнюдь не для удовольствия. Совсем нечего делать в «Конец века» Александру Балуеву, играющему немецкого журналиста и бойфренда Ольги. На умного и сильного героя Балуева, талантливо изображающего немецкий акцент, все равно смотреть приятно и интересно. Но, во-первых, в сценарии для него не придумано собственной линии, а во-вторых, он здесь единственный нормальный человек. Лопушанского же интересуют ненормальные.

С одной стороны, режиссер стремится сделать масштабный и вычурный фестивальный «проект», с зарубежными съемками, с участием модных и даже скандальных звезд. С другой стороны, пытается сказать все самое важное о самых болезненных темах современности. Обнаруживается, правда, что за время съемок они успели стать скорее историей. И наконец, даже у такого «антиразвлекательного» режиссера, как Лопушанский, ковенно и непоследовательно проявляется движение в сторону триллерного психологизма. Как сказал на пресс-конференции сам режиссер, сейчас он заканчивает работу над сокращенной телеверсией «Конец века». Поскольку представить этот фильм идущим в кинотеатрах и собирающим пускай и небольшую аудиторию совершенно невозможно, остается дожидаться телепоказа и посмотреть, какая из линий сценария будет лидировать после авторского сокращения. ■